

«Страна должна знать своих героев»: советский героизм как социальный трамплин (1920–1930-е годы)¹

А.И. САВИН, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН,
Новосибирск. E-mail: a_savin_2004@mail.ru

Статья посвящена феномену героизации советской повседневности 1920–1930-х годов. Героизм был одним из наиболее эффективных средств легитимации коммунистического режима. В то же время «making of heroes» («делание героев») являлось действенным инструментом формирования советских элит. Возникновение «героической» прослойки населения стало наиболее ярко выраженным образчиком социальной мобильности советского общества. Прослеживается генезис этого явления: от культа павших героев времен революции и гражданской войны через «постгероический» нэп до «времени героев» второй половины 1930-х годов, ознаменовавшегося целевой функционализацией образа героя.

Ключевые слова: СССР, герои, героизация, советские элиты,
социальная мобильность

В апреле 1939 г. СССР демонстрировал всему миру свои достижения на Нью-Йоркской Всемирной выставке «Мир будущего». Перед монументальным зданием возвышалась 22-метровая из мрамора скульптура рабочего, водруженная на 54-метровый обелиск². Внутри здания посетителей встречали скульптуры Ленина и Сталина, расположенные по краям огромного панно под названием «Знатные люди Страны Советов» художника В.П. Ефанова. На панно было изображено 60 человек (по другим сведениям – 48), являвшихся гордостью СССР. Центральное место занимали советские герои – летчики В.П. Чкалов, М.М. Громов, В.К. Коккинаки, И.С. Юмашев, П.Д. Осипенко, В.С. Гризодубова, М.М. Раскова, полярники во главе с И.Д. Папаниным и О.Ю. Шмидтом, а также герои труда – А.Г. Стаханов, П.Ф. Кривонос, Е.В. Виноградова и М.И. Виноградова. Компанию им составляли акын Джамбул, артисты И.М. Москвин, В.И. Немирович-Данченко, А.К. Тарасова, писатель А.Н. Толстой и др. По замыслу автора, все персонажи

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01725).

² Подробнее см.: «Русские большевики затмили все на Нью-Йоркской выставке» (1937–1941) // Вестник Архива Президента РФ. – 1999. – № 1. – С. 115-140.

представляли коллективный портрет, отмеченный «типическими чертами людей советской эпохи»³.

Основной посыл расшифровывался просто – новый советский человек является в первую очередь человеком героическим, а СССР превратился в родину героев, которым по плечу любые подвиги и свершения. «Героическому» было уделено чрезвычайное внимание: только для размещения «палатки т. Папанина и других экспонатов, посвященных освоению Арктики, был построен на отдельной площадке специальный павильон кубатурой 2500 м³»⁴. В числе экспонатов также фигурировали бивень моржа с гравированными рисунками, посвященными челюскинской эпопее, полярный костюм И.Д. Папанина, летный шлем В.П. Чкалова, макет ледокола «И. Сталин», а перед входом установлен самолет «АНТ-25», на котором В.П. Чкалов, Г.Ф. Байдуков и А.В. Беляков совершили перелет в США через Северный полюс.

Эта презентация стала наглядным выражением апогея процесса героизации, который стремительно набирал обороты в начале 1930-х годов. Настоящая статья призвана ответить на несколько главных вопросов: как протекал процесс героизации советского общества и осуществлялось «making of heroes», в какой степени эти процессы нашли свое отражение в развитии советской наградной системы? В чем заключалась специфика советского героизма, каким образом государство использовало этот феномен, в том числе как инструмент формирования советских элит и канал восходящей социальной мобильности населения?

Создание советского героя: от мученика к созидателю

«Не жертвы – герои лежат под этой могилой. Не горе, а зависть рождает судьба ваша в сердцах всех благодарных потомков. В красные страшные дни славно вы жили и умирали прекрасно». Так гласила одна из восьми эпитафий, сочиненных А.В. Луначарским специально для «Памятника борцам революции», установленного на Марсовом поле в Петрограде в ноябре 1919 г. Используемые метафоры отражают парадигму почитания героев-

³ Творчество. – 1939. – № 7. – С. 5.

⁴ «Русские большевики затмили всё на Нью-Йоркской выставке». – С. 127. Для сравнения: павильон СССР на Парижской выставке 1925 г. располагался на площади всего около 325 м².

мучеников, которая стала доминировать в формировании советского героического культа практически сразу же после прихода большевиков к власти. Ритуалы «красных похорон» сложились задолго до революции 1917 г., тогда же революционеры научились использовать пропагандистский эффект таких массовых публичных мероприятий. Поэтому нет ничего удивительного в том, что героический культ стал формироваться в Советской России в годы гражданской войны в первую очередь именно как культ «павших героев», а их смерть стала политическим событием⁵.

Почитание героев здравствующих в широких масштабах было проблематичным. В первую очередь этому мешало утопическое стремление ко всеобщему равенству. Поэтому, несмотря на появление первых тысяч «официальных» героев – кавалеров ордена Красного Знамени, и формирование нескольких квазисоциальных героических групп, таких как старые большевики и красные партизаны⁶, господствовала точка зрения, согласно которой героями были все трудящиеся, вступившие в борьбу с «эксплуататорами».

Нэп по праву можно расценивать как постгероическую эпоху, время выживания, восстановления и реконструкции. Реакция коммунистической элиты на нэп как на время декаданса ярко охарактеризована выдающимся немецким философом и писателем В. Беньямином: «Поколение, прошедшее гражданскую войну, стареет, если не от времени, то от испытанного напряжения. Похоже, что стабилизация внесла и в их жизнь спокойствие, порой даже апатию... Траур по Ленину для большевиков одновременно и траур по героическому коммунизму»⁷. В своем «московском» дневнике он назвал истинного героя нэповской эпохи: «Я слышал о людях, которые платят больше трех миллионов рублей налогов. Они являются антиподами героев военного коммунизма, героическими нэпманами»⁸.

⁵ Более подробно см.: *Merridale C.* Steinerne Nchte. Leiden und Sterben in Russland. – München, 2001.

⁶ Красные партизаны еще в ходе гражданской войны поставили под вопрос свои претензии на роль героев, продемонстрировав непокорность большевикам. См.: *Шишкин В.И.* Красный бандитизм в советской Сибири // Советская история: проблемы и уроки. – Новосибирск, 1992. – С. 3-79; *Посадский А.В.* Феномен красных партизан. 1920 – 1930-е годы // Вопросы истории. – 2010. – № 1. – С. 78-91.

⁷ *Беньямин В.* Московский дневник. – М.: Ad Marginem, 2012. – С. 211.

⁸ Там же. – С. 103.

Такого рода моральный надлом, равно как и нэповская действительность, оставляли мало места подвигу. Робкие попытки героизации в виде переименования городов, улиц и учебных заведений в честь героев революции и гражданской войны не могли изменить ситуацию, тем более что в данном случае в качестве героев выступали исключительно вожди, деятели партии и государства, входившие в высший эшелон советской элиты. Рядовой гражданин страны трезво расценивал свои шансы стать вторым Троцким или Фрунзе, а следовательно, не мог себя идентифицировать с этими немногими героями. В результате нэп так и не создал позитивного образа советского героя. Кроме того, в рядах советской элиты в эти годы были сильны настроения против «красных икон» – вместо этого на роль героев предлагались трудящиеся массы, целые рабочие коллективы⁹.

Конец декадансному нэпу положила сталинская революция «сверху», но и она не сумела сначала выйти за рамки старой парадигмы и создать новый типаж героя. В первые годы коллективизации и индустриализации по-прежнему доминировал культ «мертвых героев», героев-мучеников, павших от рук кулаков, подкулачников и саботажников-вредителей. Двумя наиболее яркими представителями этого героического типа являются пионер Павлик Морозов и «огненный» тракторист Петр Дьяков. В обоих случаях пропагандистская советская машина сделала все, чтобы создать мифологический образ героев-мучеников¹⁰, но ни Морозову, ни Дьякову так и не суждено было стать полноценными героями всего советского общества.

В истории с Морозовым, возможно, свою негативную роль сыграл ее антисемейный привкус, когда мальчик-подросток, выступивший против старших, наделялся большим общественным весом, чем взрослые, пусть даже они принадлежали к официально отверженным социальным группам. В случае с Дьяковым, очевидно, решающей стала запутанность истории самого покушения кулаков на 17-летнего комсомольца и колхозного тракториста, якобы облитого керосином и сожженного

⁹ *Haumann H.* «Held» und «Volk» in Osteuropa. Eine Ann herung // *Osteuropa* 57 (2007). – Heft 12. – S. 15.

¹⁰ См.: *Дружников Ю.* Доносчик 001: Вознесение Павлика Морозова. – М.: Московский рабочий, 1995; *Келли К.* Товарищ Павлик. Взлет и падение советского мальчика-героя. – М.: НЛО, 2009.

заживо. Хотя пресса поспешила создать мифическую историю героя-мученика колхозного движения, а песня «Прокати нас, Петруша, на тракторе» облетела всю страну, «покушавшиеся» на Дьякова кулаки были оправданы советским судом, а сам Дьяков, как впоследствии выяснилось, «чудом выжил».

Смена парадигмы образа героя произошла в 1933–1934 гг. В это время в СССР стартовал продолжительный период превознесения и празднования собственных достижений, где герои были призваны наглядно воплощать успехи державы; создается целая индустрия по производству героев¹¹. Новые советские герои – летчики, полярные исследователи, стахановцы – полностью соответствовали духу времени, когда мерилom любой деятельности стала исключительно полезность советскому государству. Типаж героя-мученика уступил первое место герою-созидателю, герою-деятелю, который, совершая подвиги с риском для жизни, вовсе не обязательно должен был погибнуть. В результате новый советский герой 1930-х годов приобрел качество, универсальное для героев всех эпох и систем. Немецкий филолог и эссеист Я.Ф. Реемтсма в своем очерке отмечает: «Герой возникает – и это правило действует для всех культур – только в результате поступка, а не страдания... В случае с героем речь всегда идет если не о деянии, то хотя бы о действии. Если же к этому добавляются муки, то они всегда обусловлены делом, совершенным ранее»¹².

Главная особенность заключалась в том, что это были герои в архаичном смысле, т.е. «персоны», через которые наиболее выпукло и зримо выражало себя время. Индивидуальность у них заменялась советской идентичностью. В результате «государственный героизм» становился маской, которую мог примерить на себя каждый гражданин, герой превращался в функцию, а СССР – в «страну героев» и «массового героизма». Эта черта была подмечена М.М. Пришвиным, который много размышлял о феномене советского героизма. В первую очередь его поражала именно эта утрата героями 1930-х годов своей индивидуальности в пользу общественной идентичности. В стахановцах, которые сначала привлекли Пришвина своим «американизмом» и «ударом по уравниловке», он также достаточно быстро разглядел

¹¹ *Келли К.* Товарищ Павлик. Взлет и падение советского мальчика-героя. – С. 17.

¹² *Reemtsma J.P.* Der Held, das Ich und das Wir // *Mittelweg* 36. – 2009. – № 4. – С. 41–64.

«личность предусмотренную и как бы дозволенную» государством. По мере роста героизации общества писатель вновь и вновь возвращался к теме «государственной индивидуальности» советских героев. По его мнению, общий тип советского героя 1930-х годов представляли собой обезличенные «механизированные герои и орденоносные личности», которые «за кожей и шумом пропеллеров» ничего не видят и не слышат – «ни детей, ни цветов, ни музыки»¹³.

Смена парадигмы серьезно способствовала вытеснению со сцены «старых» героев. Л. Фейхтвангер писал в 1937 г.: «Я уже говорил о военных пьесах и военных фильмах, которые господствуют в репертуаре, о бесчисленных книгах и произведениях, воспевающих героизм партизан в Гражданской войне и во время интервенции»¹⁴. Однако в том же самом 1937 г. красных партизан как квазисоциальную группу постигла настоящая катастрофа, впрочем, как и «старых» большевиков. Их дегероизация началась еще в период коллективизации; в 1933 г. только в Сибири как участники так называемого белогвардейского заговора были репрессированы около 800 бывших партизан. В результате «недавних героев лишили ореола славы»¹⁵.

Окончательный удар по красным партизанам был нанесен в годы Большого террора, причем репрессии обрушились также на бывших руководителей партизанского движения, которых чекисты пытались представить как помощников военных – организаторов заговора в Красной армии. Что же касается «старых» большевиков, то их дегероизации способствовали московские показательные процессы.

Важную роль в генезисе советского героизма 1930-х годов также сыграло стремление сталинского режима представить советскую действительность радостной и праздничной. Репрезентация героев, а также ритуалы празднований их геройских свершений внесли новые краски в жизнь Страны Советов. Американский посол Дж. Дэвис так описывал летчиков – Героев

¹³ Пришвин М.М. Дневники. 1932–1935. – СПб, 2009. – С. 272, 309, С. 685, 697.

¹⁴ Фейхтвангер Л. Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей. – М, 1937. – С. 35.

¹⁵ Ларьков Н.С., Шишкин В.И. Партизанское движение в Сибири во время гражданской войны // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сб. науч. статей. – Новосибирск, 2013. – С. 114; Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. – М., 2013. – С. 198.

Советского Союза, приглашенных весной 1937 г. на прием в посольство США: «Великолепное появление этих людей – сильных, здоровых, с красивыми лицами – ошеломило. Форма сидела [на них превосходно], и сверкали разные знаки различия и награды, в числе которых были “орден Ленина” и другие»¹⁶. Всем своим видом, растиражированным газетами, плакатами и открытками, своей белозубой «чкаловской улыбкой» советские героини говорили рядовым гражданам о том, что жить действительно стало лучше и веселее.

Очевидно, знаменитые кремлевские приемы, на которых, начиная с 1935 г., Сталин и его соратники лично чествовали героев, не случайно совпали с отменой карточек на питание, увеличением снабжения и общим улучшением повседневной жизни, в первую очередь, в столичных городах.

Контраст между тяжелой жизнью большинства советских граждан и все более блестящим бытием геройской плеяды был настолько сильным, что породил, в первую очередь у молодежи, притягательное стремление подражать героям и принадлежать к ним. Даже такой критически настроенный интеллигент, как М.М. Пришвин, записал в своем дневнике 8 октября 1933 г.: «Как теперь хотелось бы полететь и сделаться героем стратосферы. И это очень многие ... Жизнь такая ужасно нудная, а тут вот пример такого блестящего выхода. И, кажется, будто есть какая-то возможность, какое-то кольцо потянешь, ухватиться и полететь»¹⁷.

В заключение темы генезиса героя очень важно отметить, что именно в 1930-е годы увеличивались масштабы явления, которое Г. Мюнклер назвал «нарративно-литературным удвоением» героя¹⁸. Речь идет о той роли, которую средства массовой информации сыграли в создании мифа героев, в трансформации истории в мифологию, без чего немыслимо возникновение героического культа. Время героев стало также и временем широчайшей манипуляции общественным сознанием под давлением государства. Л. Фейхтвангер писал в 1937 г.: «...Я не могу себе представить,

¹⁶ Цит. по: Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Кн. 1. Большие кремлевские приемы. – М., 2011. – С. 244.

¹⁷ Пришвин М.М. Дневники. 1932–1935. – С. 308.

¹⁸ M n k l e r H. Heroische und postheroische Gesellschaften // Merkur. Deutsche Zeitschrift f r europ isches Denken. Hg. von K.-H. Bohrer und Kurt Scheel. – Bd. 61 (2007). – Н.8/9. – S.742-752.

чтобы героические темы заняли такое огромное место в книгах, фильмах и театрах, если бы это не поощрялось всеми средствами со стороны руководящих организаций. Несомненно, писателю, рискнувшему отклониться от генеральной линии, приходится не очень легко»¹⁹.

Размах «литературного удвоения» дошел в конце 1930-х годов до того, что для прославления героев были задействованы даже такие архаичные формы словесного творчества, как былины. Так, народная сказительница М.С. Крюкова в 1937 г. по поручению редакции газеты «Правда» стала сочинять к 20-летию празднования Октябрьской революции советские сказы, получившие название «новины». Особую известность приобрели плач о Ленине «Каменная Москва вся проплакала», новина «Слава Сталину будет вечная», былины в честь К.Е. Ворошилова, В.И. Чапаева и М. Горького, а также новина, посвященная челюскинцам и полярнику О.Ю. Шмидту, в которой тот именовался не иначе, как «богатырь Поколен-борода»²⁰.

Генезис наградной системы как зеркало героизации советского общества

Большевики сделали первый шаг на пути создания собственной наградной системы уже в 1918 г., учредив орден Красного Знамени. Через десятилетие, в сентябре 1928 г., был учрежден орден Трудового Красного Знамени, а в апреле 1930 г. – ордена Ленина и Красной Звезды. Настоящим прорывом стало введение в апреле 1934 г. звания Героя Советского Союза. В ноябре 1935 г. был учрежден орден Знак Почета, а в октябре и декабре 1938 г. – еще четыре медали: «За отвагу», «За боевые заслуги», «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие»²¹. Окончательная точка в формировании довоенной советской наградной системы была поставлена с учреждением в декабре 1938 г. звания Героя Социалистического Труда.

¹⁹ Фейхтвангер Л. Москва 1937. – С. 22.

²⁰ См. например: Крюкова М.С. Краткая литературная энциклопедия. – М., 1966. – Т. 3. – С. 859-860; Иванова Т.Г. Сказитель и официальная политика в области фольклористики в 1930-е гг. (о жанровой природе песенного советского эпоса) // Мастерина народная художественная традиция Русского Севера. – Петрозаводск, 2000. – С. 84-91.

²¹ Кроме того, 24 января 1938 г. была учреждена юбилейная медаль «20 лет РККА», которой было награждено около 37 тыс. чел.

Существенное расширение наградной системы в 1930-е годы служит убедительным примером роста степени героизации советского общества, о чем свидетельствует статистика награждений²².

С 1934 г. по 1937 г. звание Героя Советского Союза было присвоено 60 раз, а в 1938–1940 гг. – уже 560 раз, причем пять человек получили его дважды²³. Очевидная тенденция резкого увеличения награждений в последние предвоенные годы прослеживается и в отношении других наград. Так, орденом Ленина за 1930–1937 гг. были награждены 3204 чел., то есть около 400 награждений в год, тогда как за 1937–1940 гг. – 3403 награждения (около 1134 за год). За 1938–1940 гг. орденом Красного Знамени было награждено 16720 чел., то есть больше, чем за все годы гражданской войны (14639 награждений за 1918-1923 гг.), не говоря уже о периоде 1924–1937 гг. (всего 3544). В случае с орденом Красной Звезды прирост был еще более впечатляющим: 3120 награждений за 1930–1937 гг. и 18399 – за 1938–1940 гг. Однако следует учитывать, что основной прирост награждений этими орденами пришелся на военнослужащих, участников военных конфликтов на Хасане и Халхин-Голе, советско-финской войны 1939-1940 гг. и «освободительного похода» в Западную Украину и Западную Белоруссию. Так, за «достигнутые успехи в отраслях народного хозяйства» орденом Красного Знамени в 1924–1937 гг. было награждено 105 чел., в 1938–1940 гг. – 9 чел., орденом Красной Звезды – 810 чел. и 490 чел. соответственно.

Но даже если обратиться к статистике награждений сугубо «мирными» орденами, то и здесь мы увидим совершенно очевидный, хотя и менее впечатляющий прирост. Так, орденом Трудового Красного Знамени за 1928–1937 гг. были награждены 3202 чел., за 1938–1940 гг. – уже 4920 чел., орденом Знак Почета за декабрь 1935–1937 гг. – 5015 чел., за 1938–1940 гг. – 9532 чел. При этом соотношение количества награжденных боевыми («За отвагу» и «За боевые заслуги») и мирными медалями 1938–1940 гг. («За трудовую доблесть» и «За трудовые отличия») составляет примерно один к трем.

«Выпадает» из общей тенденции только звание Героя Социалистического Труда. Оно было присвоено лишь 11 раз, причем первым Героем Социалистического Труда стал И.В. Сталин. Итоговая статистика награждений орденами и медалями СССР за 1918–1940 гг. выглядит следующим образом: 1918–1923 гг. – 14639 награждений, 1924–1937 гг. – 18145 и 1938–1940 гг. – 119911, итого было вручено 152695 наград.

Резкое увеличение показывает и статистика награждений за трудовые заслуги в годы довоенных пятилеток. Так, за первую пятилетку (1928–1932 гг.) было награждено 698 чел., за вторую (1933–1937) – 8716, за третью (1938-1942) – 31857 чел. При этом надо учесть, что выполнение третьей пятилетки было прервано войной, в результате приведены данные только с 1938 г. по 1940 г. включительно²⁴.

Однако, несмотря на резкий рост числа награждений, не происходило «размывания» наградной системы, не наблюдалась девальвация наград, к награжденным относился достаточно ограниченный круг советских элит. Для раннего сталинизма

²² См.: Данные о количестве награждений орденами и медалями СССР за период 1918–1964 гг. // Вестник Архива Президента Российской Федерации. – 1998. – № 3. – С. 132-157.

²³ Институционализация героев в виде введения звания Героя Советского Союза вызывала резкую неприязнь у М.М. Пришвина. См.: Пришвин М.М. Дневники. 1936-1937. – С. 698.

²⁴ ГАРФ. – Ф. 7523. – Оп. 117. – Д. 3420. – Л. 60.

нельзя представить награждения сотен тысяч человек за выслугу лет, которые имели место в послевоенные годы, или кампании массовых награждений брежневского времени.

Практика награждения не только людей, но и трудовых коллективов, общественных организаций, воинских подразделений, а также городов, областей, краев и республик получила распространение именно в 1930-е годы. Так, если за 1918–1923 гг. орденом Красного Знамени был награжден только один город, то за 1924–1940 гг. – уже четыре города, две области, три края, четыре союзных и пять автономных республик²⁵. Такая же картина сложилась с награждением коллективов: за 1918–1923 гг. был награжден один завод, за 1924–1940 гг.²⁶ – уже 427 (без воинских частей и соединений).

Существенное расширение наградной системы и динамичный рост награждений сыграли весомую роль в героизации советского общества 1930-х годов. Кроме того, награждения выступали эффективным средством формирования, поощрения и дифференциации советских элит. «Был только один дозволенный способ как-то заявить о себе, проявить исключительность или значимость – надеть свои награды, ордена и медали, они – и только они! – свидетельствовали о положении человека в обществе, о достижениях в профессии и даже патриотизме. Ордена и медали были главным украшением костюма как мужского, так и женского»²⁷.

Новый советский героизм как фактор социальной мобильности

Свою любовь, уважение и почитание летчиков Сталин не раз демонстрировал публично. Так, 30 января 1934 г., в дни работы XVII съезда ВКП(б), разбился стратостат «Осоавиахим-1», погиб весь экипаж в составе трех человек. В похоронах летчиков у Красной стены принимали участие все делегаты съезда, фотографии запечатлели Сталина и Молотова, лично выносивших урны

²⁵ Данные о количестве награждений орденами и медалями СССР за период 1918–1964 гг. – С. 146-152.

²⁶ К сожалению, в документах отдела наград отсутствует более дифференцированная статистика, но и здесь можно с уверенностью утверждать, что пик награждений пришелся на вторую половину 1930-х годов.

²⁷ См.: Юшкова А. Александр Игманд: «Я одевал Брежнева...». – М., 2008. – С. 6.

с прахом²⁸. В 1935–1941 гг. в Кремле был дан 41 официальный прием, из них шесть были непосредственно посвящены летчикам, два – полярникам и лишь один – работникам металлургической и угольной промышленности. Такая диспропорция наглядно свидетельствует, какой группе героев отдавал предпочтение лично Сталин²⁹.

Однако вряд ли все можно объяснить только личными пристрастиями вождя. По сути, героический образ советских летчиков основывался на ценностях Просвещения, с его верой в прогресс, в безграничность человеческих возможностей. Летчики (и, в гораздо меньшей степени, полярники) служили выражением всего самого передового в обществе, являя собой притягательный пример для подражания. Режиму нужны были не столько смелые фанатики, готовые отдать свою жизнь по первому требованию, сколько образованные кадры, способные учиться и овладевать техникой. Если вспомнить, насколько косным считали большевики «доставшееся им в наследство» общество, которое якобы не желало учиться, работать и жить так, как этого требовала власть, то летчики выглядели настоящими рыцарями прогресса³⁰.

Существовала еще одна принципиальная причина, почему именно «сталинские соколы», а не полярники или ударники-стахановцы, не говоря уже о военных и чекистах³¹, стали главными героями довоенной советской эпохи³². Логично предположить, что летчики в качестве универсальных героев устраивали всё советское общество, в том числе дискриминируемые группы

²⁸ «Причиной гибели послужило стремление поставить мировой сверхрекорд». Документы о катастрофе стратостата «Осоавиахим-1» // Старая площадь. Вестник Архива Президента РФ. – 1997. – № 2. – С. 108-109.

²⁹ См.: Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина. – С. 429-431. Больше всего приемов было дано в честь представителей Красной Армии и Военно-Морского флота (14), но здесь речь идет главным образом о регулярных приемах в честь участников праздничных военных парадов и выпускников военных академий.

³⁰ Отношение темной российской деревни к авиации обыгрывается в сатирической форме в знаменитом рассказе М. Зощенко «Авиатор» (1923 г.).

³¹ В этом отношении весьма показательна судьба И.Д. Папанина, который восславлялся как главный советский полярник, но при этом практически «потерялся» его служба в ВЧК, в частности, на должности коменданта Крымской ЧК в 1920 г. См., например: Тепляков А.Г. Процедура: исполнение смертных приговоров в 1920–1930-х годах. – М.: Возвращение, 2007. – С. 90.

³² О том, как формировался героический миф о «сталинских соколах», см.: G nther H. Der sozialistische bermensch. M. Gor'kij und der sowijetische Heldenmythos. – Stuttgart, 1993. – S. 155-174.

населения. Значительная часть молодежи обоих полов, стремившаяся двигаться вверх по социальной лестнице, могла без каких-либо проблем отождествлять себя с летчиками. Желание им подражать позволило власти, в том числе, решить сугубо прагматическую задачу – организовать в предвоенные годы в массовых масштабах подготовку летно-технических кадров ВВС РККА и создать самые крупные ВВС в мире³³.

Стахановцы-ударники представляли собой менее универсальный и более «приземленный» типаж советского героя, адресованный преимущественно представителям рабочего класса. Они были близки к летчикам в своем стремлении к преодолению существующего уровня норм и технологий, но на этом сходство заканчивалось. Вероятность героически погибнуть у них была гораздо ниже, чем у летчиков, а создание мифологического образа героя давалось в их случае труднее. На военных же бросили тень чистки командного состава Красной Армии в 1936–1940 гг.

Еще одной специфической чертой советского героизма являлся его дуальный характер. Сталинское общество существовало в состоянии перманентного кризиса и борьбы с многочисленными внутренними и внешними врагами. Умножению врагов-антигероев могли противостоять только новые советские герои. На эту роль как нельзя лучше подходила молодежь. Юноши и девушки, детство которых пришлось на революцию и гражданскую войну, мечтали о собственных героических свершениях, не желая оставаться в тени старших поколений.

Основная функциональная роль советского героизма заключалась в том, что он выступал своеобразным социальным трамплином, стимулом и одновременно каналом восходящей социальной мобильности. Уже сама по себе потенциальная возможность вхождения в квазисоциальную группу советских героев превращалась в эффективный инструмент политики форсированного социального выдвижения и мощный карьерный лифт, который позволил множеству выдвиженцев, главным образом из числа молодежи, успешно адаптироваться к сталинской власти и реалиям советской действительности.

³³ Количество летных училищ ВВС увеличилось с 12 (на 01.10.1937 г.) до 83 (на 22.06.1941 г.). Численность ВВС составляла на май 1940 г. 291,2 тыс. чел., а к началу ВОВ советские ВВС превратились в крупнейшие в мире. См.: Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 (документы, факты, суждения). – М.: Вече, 2000. – С. 357.

Использование героизма в качестве социального трамплина было вполне осознанной стратегией. В этом отношении особый интерес представляет реакция И.В. Сталина на инициативу некоего И.Н. Бажанова, который посчитал, что заслуги вождя недостаточно отмечены наградами, и «переуступил» ему собственный орден. В письме от 16 февраля 1933 г. Сталин тепло поблагодарил дарителя и отказался принять награду. «Ордена, – писал Сталин, – созданы не для тех, которые и так известны, а, главным образом, – для таких людей-героев, которые мало известны и которых надо сделать известными всем. Кроме того, должен вам сказать, что у меня уже есть два ордена. Это больше чем нужно, – уверяю Вас»³⁴. Здесь Сталин убедительно сыграл роль «primus inter pares», подчеркивавшего, что вакантных мест в рядах советской элиты достаточно. Как пройти этот путь наверх, что для этого требуется – наглядно демонстрировали его герои, его «сталинские богатыри»³⁵.

Вместо заключения.

Постгероическое общество и тоска по герою

Современные властные элиты России испытывают большой соблазн сделать сталинских героев частью легитимации и культурного наследия современной России. Это вполне объяснимое желание, тем более для постмодернистского общества, испытывающего тоску по герою. На фоне сегодняшних героев – идолов поп-культуры, звезд кино и шоу-бизнеса, герои прежних эпох «были героичней, битвы – кровопролитней, победы – грандиознее»³⁶.

Современному российскому обществу действительно необходимы герои, на которых его граждане могли бы ориентироваться и с которыми они могли себя идентифицировать. Но в стремлении рассматривать феномен советского героизма как неотъемлемую часть истории России необходимо совершенно четко осознавать роль героического мифа в становлении сталинизма и неразрывно связанные с ним стратегии манипуляции обществом.

³⁴ Сталин И.В. Сочинения. – М.: ОГИЗ, 1955, т. 13. – С. 235.

³⁵ Сталинские герои представляли собой связующее звено между Сталиным, находившемся на верхушке иерархической пирамиды, и остальным советским народом. См.: Schenk F.B. Alexander Nevskij. Heiliger – F rst – Nationalheld. Eine Erinnerungsfigur im russischen kulturellen Ged chtnis 1263–2000. – K ln, 2004. – S. 339.

³⁶ M nkler H. Heroische und postheroische Gesellschaften. – S.742-752.

